

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

ФЕНОМЕН ЗАБЫВАНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ СОЦИУМЕ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Д. А. Аникин

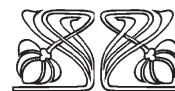
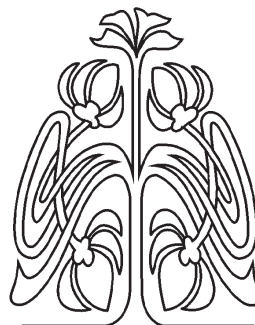
Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

Статья посвящена феномену забывания как неотъемлемому элементу диалога культур в глобализирующемся мире. Можно выделить не только способы сохранения исторической памяти, но и типы забывания в контексте резких социальных трансформаций общества. Специфика исторической амнезии в условиях современного российского социума заключается в попытке соотнести феномены живой, коммуникативной памяти с принципиально иной политической символикой. Особую актуальность приобретает обращение к советскому опыту, причем символы советской эпохи подвергаются перекодированию с учетом новых социальных и политических феноменов.

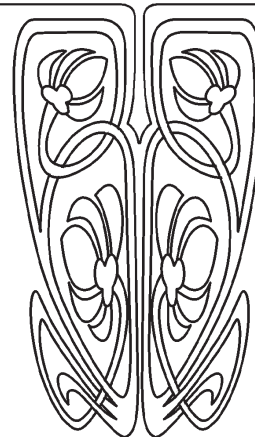
Ключевые слова: социальная память, забывание, глобализация, образы прошлого.

Изучение социальной памяти, как правило, сосредоточивается на выявлении предпосылок процессов сохранения исторической информации, социально значимых образов прошлого. Но у процессов воспоминания и сохранения имеется и обратная сторона, которой является забывание. С психологической точки зрения, один процесс без другого невозможен – закрепление новых фактов в сознании автоматически сопровождается устранением, старые заменяются новыми либо полностью утрачивают свою значимость. Эти явления, свойственные индивидуальному сознанию, протекают и в сознании крупных социальных общностей. Из основоположников изучения социальной памяти следует указать на М. Хальбвакса и П. Рикера, которые с совершенно различных позиций обратились к феномену забывания.

Специфика социальной памяти, по М. Хальбваксу, заключается в том, что она не существует в виде упорядоченного набора фактов, с заранее оговоренными сценариями интерпретации, но постоянно воссоздается в результате изменения интересов социальных групп. В процессе воспоминания единичные факты в целях экономии мышления сворачиваются в определенные стандартизированные мифологемы: тем самым они теряют свою уникальность, но приобретают универсальный характер обязательных для всех членов данного сообщества предписаний, имеющих сакральную окраску. Я. Вансина указывает на то, что механизм перехода индивидуального опыта в достояние коллективной памяти тесно связан с социально-биологическими циклами, важнейшим из которых является смена поколений. Знание о событиях прошлого в процессе передачи воспоминаний от поколения к поколению постепенно лишается уникальных особенностей, свойственных личным воспоминаниям

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

очевидца этих событий, и приобретает универсальный (в смысле значимости не для конкретного индивида, а для всей социальной группы в целом) характер [1, с. 12].

Социальные рамки памяти, существующие в настоящем, определяют тот образ прошлого, который удается удержать коллективу и индивидуальному человеку как его представителю в своем сознании. Смена референциальных рамок ведет за собой и изменение тех фактов, которые удерживаются в социальной памяти, но поскольку само существование подобных рамок не осознается их носителями, то и изменение содержания памяти не фиксируется в сознании представителей социальной группы. Следует сразу оговориться, что это положение Хальбвакса оказывается верным применительно к устной памяти, передающейся в процессе непосредственной коммуникации и не закрепляемой в письменных источниках. Наличие текстов, фиксирующих содержание социальной памяти, позволяет создать «точки отсчета», сравнение которых демонстрирует не только устойчивый характер социальной памяти, но и ее постоянную изменчивость [2, с. 18]. Таким образом, забывание является естественным процессом устранения тех фактов, которые утрачиваются своей социальной функциональностью, лишаются определяющих их «рамок».

В работах П. Рикера представлена феноменологическая трактовка запоминания и забывания. С его точки зрения, *память* представляет собой интенциональную направленность сознания на прошлое, в то время как предметом, конституируемым в результате деятельности памяти, выступает воспоминание как репрезентация конкретной вещи или явления [3, с. 44]. Если термин «память» используется для обозначения целостной и единой способности человека, то воспоминание характеризуется множественностью проявлений и изменчивостью уровней их различения. Рикер выделяет следующие фундаментальные дихотомии, подчеркивающие широкое смысловое поле употребления термина «воспоминание»:

1) *привычка – воспоминание*. Воспоминание представляет собой целенаправленную деятельность человека по сохранению фрагментов прошлого и их воссозданию в настоящем, воспоминание уже одним фактом своего вызывания конституирует ту пропасть (конечно, онтологическую, а не хронологическую), которая имеет место между фактом, совершившимся в прошлом, и фактом обращения к прошлому. Действия же, совершаемые «по привычке», лишены смысла различения, в самой повторяемости кроется «их вечное настоящее», затеняющее временной характер происходящего. Привычка – это, используя терминологию Р. Жирара, «миметическая

память», которая построена на автоматическом подражании устоявшимся образцам поведения и отсутствии рефлексии по поводу собственной деятельности [4, с. 31]. Другим критерием различения этих понятий выступает артикулируемая Бергсоном связь воспоминания с созданием образа, которого не требует привычка, «...чтобы вызвать прошлое в виде образа, надо обладать способностью отвлекаться от действия в настоящем, надо уметь ценить бесполезное, надо хотеть мечтать» [5, с. 208];

2) *воскрешение в памяти – вызывание в памяти*. Рассматривая эту оппозицию, Рикер возвращается к проблеме, поставленной Гуссерлем, о соотношении преднамеренного воспоминания и непреднамеренной работы памяти. Как уже говорилось, Рикер определяет сходство рефлексивной и нерефлексивной памяти в конечном продукте их деятельности – воспоминании, но видит различие в протекании самих процессов обращения к прошлому. Воскрешение в памяти может быть вызвано ассоциативным мышлением или чувственным восприятием, в то время как вызывание в памяти предполагает целенаправленную деятельность по розыску в прошлом необходимого факта или предмета. Последний вид воспоминания тесно связан с феноменом забывания, поскольку люди «ищут то, что, как опасаются, забыли, – временно или навсегда, не имея при этом возможности на основе обычного опыта провести границу между двумя гипотезами о принципах забвения: идет ли речь об окончательном стирании следов ранее приобретенных знаний или о временном препятствии, мешающем их активации, которое при случае можно проделать» [3, с. 51]. Вызывание в памяти, таким образом, представляет собой разворачивание «свернутого» воспоминания из единичного образа под воздействием страха забвения.

Обращаясь к своему воспоминанию, человек не просто заново «прокручивает» в памяти тот или иной факт, он вынужден достраивать утраченные фрагменты воспоминания с помощью образов, что порождает вопрос о том, насколько образы способны изменять и подменять прошлое. Воспоминание всегда имеет образную природу, что и роднит деятельность таких способностей человеческого сознания, как память и воображение, но их сходство в выборе средств обращения к предмету (память и воображение одинаково прибегают к образам) оказывается пресечено на уровне интенциональной направленности. Предмет, который конституируется памятью, наделяется атрибутом реального существования, а предмет, создаваемый воображением, априори воспринимается как нечто иллюзорное и вымышленное. Феноменологическая трактовка забывания заключается в рассмотрении этого процесса как условия воспоминания, поскольку

реконструкции прошлого предшествует хотя бы временная утрата фактов.

Следует отметить, что в условиях глобализирующегося социума феномен забывания приобретает особую актуальность, что связано с целым рядом факторов. Само понятие глобализации нельзя сводить к экономическим и социальным явлениям последних трех десятилетий XX в. Подобные интеграционные (в первую очередь, коммерческие) тенденции, в XVI столетии сводившиеся к открытию и освоению новых земель, в начале XXI в. наличествуют в виде информационных потоков, смыкающихся в единую информационную сеть. Именно на основе распространения информации, непосредственно определяющей экономический уклад постиндустриального общества, становится возможным создание глобального социального пространства. Если исходные попытки глобализации осуществлялись в рамках деятельности государств, то современная ситуация позволяет констатировать: явление перерастает институциональные рамки, в которых оно зародилось, а сами государства становятся уже второстепенными участниками глобализационных процессов.

Согласно У. Беку глобализация влечет за собой целый ряд изменений на различных уровнях социального пространства:

1) на политическом – ослабление суверенитета отдельных государств и усиление деятельности транснациональных корпораций и межгосударственных структур;

2) на экономическом – переход экономики в стадию денационализованного капитализма, сопровождающегося интенсификацией виртуальных финансовых потоков;

3) на культурном – взаимопроникновение локальных культур и возникновение единого пространства информационного диалога [6, с. 10–15].

Таким образом, в условиях глобализирующегося социума диалог культур становится неотъемлемым атрибутом социальной и политической реальности. При этом ключевым вопросом, возникающим в данном контексте, является поиск оснований для выстраивания диалога, которые обеспечили бы равноправие его участников, их взаимную заинтересованность в формировании и поддержании долговременных отношений. Следует учитывать, что фрагментаризация глобального политического пространства, процессы его дробления и усиления конфликтогенных тенденций ставят перед участниками диалога принципиально новую задачу: не «вспомнить» предысторию своего диалога, а наоборот – устранить травматический опыт взаимодействия, который нуждается не в поддержке, а в забвении.

Английский исследователь П. Коннертон справедливо указывает, что «забывание не всегда является сбоем в работе памяти, а может иметь

осознанный характер» [7, с. 59]. Он предлагает структурированный подход к проблеме забывания, выделяя различные типы этого процесса: репрессивное стирание; предписывающее забывание; забывание, которое является основанием новой идентичности; структурная амнезия; забывание как аннулирование; забывание как запланированное устаревание; забывание как «оскорбленная тишина».

Репрессивное стирание является признаком тоталитарных режимов. Этот вид заключается в нарочитом забвении тех исторических фигур или событий, которые воспринимаются как не соответствующие потребностям общества на современном этапе развития. Зачастую обоснованием репрессивного стирания может служить не только стремление восстановить историческую справедливость, ущемленную из-за каких-то событий, но и намерение к кардинальному обновлению общества, отказу от накопленного культурного и политического багажа. Можно вспомнить хотя бы знаменитый девиз футуристов: «Сбросить Пушкина и Толстого с корабля современности». На современном постсоветском пространстве примерами репрессивного стирания прошлого могут служить факты сознательного отказа от памяти о Великой Отечественной войне в Грузии и Латвии.

Предписывающее забывание, несмотря на внешнее сходство с репрессивным стиранием, отличается от него публичным характером принятия решения о забывании в интересах воссоединения ранее разделенных частей одного общества или восстановления культурных и политических контактов между различными обществами. Неоднократно в мировой истории мирные договоры о прекращении войн (например, Вестфальский договор 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне) содержали обязательное упоминание о забвении тех преступлений, которые были совершены обеими сторонами во время военных действий.

Забывание, которое является основанием новой идентичности, содержит несколько иную апелляцию к молчанию прошлого. Акцент здесь ставится не столько на потере, вызванной неспособностью сохранения определенных фактов, сколько на выгоде, извлекаемой тем, кто знает, как отказаться от воспоминаний, которые не служат никакой реальной цели в создании и управлении текущей идентичностью. Забывание в этом случае становится частью процесса соединения тех наборов исторических образов, которые присущи по отдельности различным обществам, вступающим в межкультурный диалог. Речь идет не об устранении препятствующих воспоминаний, как в предыдущем случае, а о сокращении лишних фактов, не способствующих установлению долгосрочных связей.

Структурная амнезия связана с объективными закономерностями запоминания и забывания информации, когда сохранению, в первую очередь, подвергаются социально значимые факты и события. Например, в обществе с патрилинейной организацией родственных связей сведения о родственниках по женской линии быстро удаляются из памяти, не переходя в статус общезначимых воспоминаний, а оставаясь фактом личной биографии. Данный тип забывания, выделенный П. Коннертоном, имеет универсальный характер, будучи присущим как отдельным индивидам, так и целым сообществам.

Забывание как аннулирование противоположно структурной амнезии, поскольку вызывается не недостатком, а избытком информации. П. Коннертон отмечает, что эпоха модерна стала временем производства не только экономического продукта, но и информации, когда впервые центром власти становятся архивы, содержащие государственные документы [7, с. 65]. Доступ к этим архивам становится залогом успешности политических стратегий. Но с вступлением общества в постмодернистскую стадию развития, сопровождающуюся интенсификацией информационных потоков, насущной проблемой становится не сохранение всей собранной информации, а ее искусная селекция, позволяющая освободиться от устаревших фактов. Теория парадигм Т. Куна подразумевает, что научная революция обязательным образом должна приводить к аннулированию всей предшествующей информации, которая попросту утрачивает свое значение. В глобализирующемся социуме этот аспект забывания приобретает первостепенное значение, поскольку диалог культурных сообществ исходит из актуальных потребностей взаимодействия, в силу чего излишнее сосредоточение на предшествующих формах этого диалога, развивавшихся в совершенно иных социальных и политических контекстах, окажется малоэффективным.

Забывание как запланированное устаревание является элементом, встроенным в логику общества потребления, когда производство вещи необходимым образом сопряжено с учетом продолжительности пользования ею. В стоимость заложено неизбежное устаревание товара, которое, таким образом, оказывается запланировано еще в момент создания. Если переходить от экономического к межкультурному контексту, то аналогом потребительской логики является система международных соглашений, обозначающих срок действия, после которого сама система будет подвергнута забвению либо сможет быть сохранена при соответствующих усилиях обеих сторон.

Забывание как оскорбленная тишина тесно связано с пониманием исторической травмы,

рассматриваемой Й. Рюзеном, когда опыт оказывается настолько непереносим для восприятия, что подвергается выдавливанию в сферу бессознательного нежелания говорить или вспомнить об этом [8]. В качестве примера зачастую приводятся факты бомбардировок Дрездена во время Второй мировой войны, а также этнические чистки на территории бывшей Югославии. Забывание в данном случае соотносится с психологическими закономерностями нежелания обращаться к травматическому опыту.

Говоря о специфике процессов забывания в современном российском обществе, активно выстраивающем межкультурный диалог (в самых различных формах – от подражания до конфликта), следует отметить, что основным объектом, по отношению к которому стратегии забывания активно применяются, является советское прошлое. Несмотря на то, что этот вопрос уже исследовался автором [9, с. 10], в контексте изучения феномена забывания можно отметить несколько принципиальных моментов.

Еще Я. Ассман, отталкиваясь от работ Ю. М. Лотмана, вводит различие культурной и коммуникативной памяти в качестве различных уровней функционирования социальной памяти, тесно связанных между собой. Коммуникативная память – это память, непосредственно передающаяся от одного человека к другому, это память одного или нескольких смежных поколений, память «живая» в том смысле, что живы непосредственные очевидцы описываемых или воссоздаваемых событий, к которым и можно обратиться как к последней инстанции в поисках установления истины. Продолжительность коммуникативной памяти Я. Ассман определяет в 40 лет, после чего начинается переход живых воспоминаний в письменную, фиксированную форму, что связано с постепенным уходом поколения из активной социальной жизни, стремлением сохранить их память для потомков [2, с. 52–54]. Основным источником культурной памяти является уже не очевидец, к которому можно было бы обратиться с уточняющим вопросом, а текст, далеко не беспристрастный, но фиксированный в своих границах, требующий *канонизации* во избежание вольных интерпретаций, делающих невозможным использование данных текстов в механизмах социальной идентификации, канонизации, т.е. уподобления неким архетипическим образцам. Право на сохранение и интерпретацию этих текстов и, соответственно, на сохранение культурной памяти принадлежит не всему обществу, а отдельным группам или социальным институтам. Целью функционирования этих институтов служит осознанное стремление сохранить определенный образ прошлого, подчеркнуть связь настоящего с подобным образом проинтерпретированной историей, следствием чего является понимание

прошлого и его роли в социальной идентичности современного человека.

Поскольку опыт советского прошлого является элементом «живой», коммуникативной памяти, то полное устранение этих образов прошлого невозможно; поэтому вступают в действие более сложные механизмы селекции советского прошлого, устранения отдельных моментов и целых пластов для оправдания психологически естественной ностальгии старшего поколения по времени своей молодости.

О. В. Молчанова рассматривает, опираясь на С. Бойм, в современном российском культурном пространстве две формы ностальгии по советскому прошлому: реставрационную и рефлексированную [10]. Первая форма ностальгии подразумевает возобновление устойчивых стереотипов советского времени, актуализацию символики, которая, при всей своей узнаваемости, наделяется иным значением. «Это позволяет реставрационной ностальгии заново конструировать культурную память с помощью метафор, которые впоследствии стираются, приобретая догматический характер, а символы превращаются в семантически пустые конструкты» [10, с. 58]. Такой способ обращения к прошлому тесно связан с забыванием. Забыванию в данном случае подвергается тот социокультурный контекст и негативные аспекты данных символов, которые мешают их реактуализации, оправданию тоски по утраченному прошлому.

Рефлексированная ностальгия, в отличие от предыдущей, связана с осознанием невозможности восстановления прошлого, поэтому ее способ обращения с советской символикой основан на перекодировании символов, их восприятию в контексте уже принципиально иной эпохи. Орудием в данном случае выступает

ирония, которая позволяет избавиться от излишнего пиетета по отношению к идеологическим стереотипам, некритически воспроизводимым в случае реставрационной ностальгии. При такой форме обращения к прошлому забывание заключается в осознании непроходимости временной дистанции между советским прошлым и постсоветским настоящим, в силу чего оказывается невозможно не только непосредственное возвращение в ту эпоху, но и ментальное «вживание» в реконструируемую символическую систему.

Список литературы

1. Vancina J. *Oral Tradition as History*. L., 1965. 158 p.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 420 с.
3. Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
4. Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000. 448 с.
5. Бергсон А. Материя и память : собр. соч. в 4 т. М., 1992. 340 с.
6. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. 278 с.
7. Connerton P. Seven types of forgetting : *Memory Studies*. 2008. № 1. P. 59.
8. Рюзен Й. «Утрачивая последовательность истории» (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) : Диалог со временем : Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 8–25.
9. Аникин Д. А. Социальная память как модернизационный ресурс : топосы прошлого в российском политическом ландшафте // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 3–7.
10. Молчанова О. В. Искусство забывания, или ностальгия по советскому мифу // Вестн. РГГУ. 2011. № 17. С. 57–64.

The Phenomenon of Forgetting and the Dialogue of Cultures in the Globalizing Society: the Russian Experience

D. A. Anikin

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: dandee@list.ru

The article is devoted to phenomenon of forgetting as an integral element of dialogue of cultures in the being globalized world. It is possible to allocate not only ways of preservation of historical memory, but also types of forgetting in a context of sharp social transformations of society. A specific of historical amnesia in the conditions of modern Russian society consists in an attempt to correlate phenomena of live, communicative memory to essentially other political symbolics. Special relevance is gained by the appeal to the Soviet experience, and symbols of the Soviet era are exposed to code conversion taking into account new social and political phenomena.

Key words: social memory, forgetting, globalization, the images of the past.

References

1. Vancina J. *Oral Tradition as History*. L., 1965. 158 p.
2. Assmann J. *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. N.Y., 2011, 296 p. (Russ ed.: Assman Ya. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti*. Moscow, 2004. 420 p.)
3. Ricœur P. *Memory, history, forgetting*. Chicago, 2006,

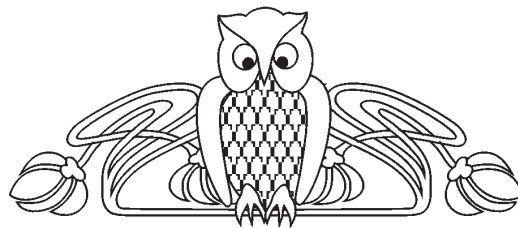
- 624 p. (Russ. ed.: Riker P. *Pamyat, istoriya, zabveniye*. Moscow, 2004. 728 p.)
- Girard R. *Violence and the Sacred*. Baltimore, 1977, 333 p. (Russ. ed.: Zhirar R. *Nasiliye i svyashchennoye*. Moscow, 2000. 448 p.)
 - Bergson A. *Matter and Memory*. N.Y., 2004, 136 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Materiya i pamyat*. Moscow, 1992. 340 p.)
 - Beck U. *What Is Globalization?* Cambridge, 2000, 192 p. (Russ. ed.: Bek U. *Chto takoye globalizatsiya?* Moscow, 1992. 278 p.)
 - Connerton P. Seven types of forgetting. *Memory Studies*, 2008, no.1, pp. 59–71.
 - Rüsen J. Utrachivaya posledovatelnost istorii (Lo(o)sing the order of history). *Dialog so vremenem: Almanakh intellektualnoy istorii* (Dialogue with time. Intellectual history review). Vol. 7. Moscow, 2001. Pp. 8–25.
 - Anikin D. A. Sotsialnaya pamyat kak modernizatsionnyy resurs: toposy proshlogo v rossiyskom politicheskom landshafte (Social memory as modernization resource: top wasps of the past in the Russian political landscape). *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics* (Saratov State University Journal. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics), 2012, vol. 12, iss. 4, pp. 3–7.
 - Molchanova O.V. Iskusstvo zabyvaniya, ili nostalgiiya po sovetскому mifu (The skill of forgetting or nostalgia for soviet myth). *Vestnik RGGU* (RGGU Bulletin), 2011, no. 17, pp. 57–64.

УДК 111

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Т. И. Бугрова

Бугрова Татьяна Ивановна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: tatyanabugrova@mail.ru

Целью данной работы является выявление особенностей развития представлений о пространстве и времени в философии и науке, что в перспективе позволяет обнаружить принципы трансформации философских категорий в категории научные. В статье проводится анализ содержания категорий пространства и времени в рамках классической философии и науки. Автор рассматривает основные онтологические концепции эпохи Возрождения и Нового Времени, сравнивает и анализирует характеристики моделей пространства и времени. Также уделяется внимание соотношению понимания категорий «пространство» и «время» с другими онтологическими категориями, анализируются особенности их взаимовлияния. Исследование позволяет обнаружить устойчивые тенденции к десакрализации понимания рассматриваемых категорий, их смысловому «расширению», нарастанию релятивизма в пространственно-временных концепциях, а также зависимость от них философского содержания других онтологических категорий, таких как движение, развитие и т.п.

Ключевые слова: пространство, время, движение, пустота, космос, сакральность, релятивизм.

Проводя сравнительный анализ представлений о пространстве и времени, начиная с Античности и до нашего времени, можно обнаружить некоторые устойчивые тенденции изменения понимания данных категорий в пределах классической философии и науки, которые, однако, не имеют значения в рамках неклассического и постнеклассического мировоззрения. Эти тенден-

ции не только демонстрируют развитие научного мировоззрения, но и позволяют в перспективе обнаружить взаимозависимость трансформирования онтологических представлений науки и философии.

Концепция пространства и времени античного мировоззрения отразилась в космологической системе Аристотеля–Птолемея, которая представляла собой замкнутое конечное пространство с Землей в центре. Эта система не только основывалась на обыденном восприятии реальности, но полностью соответствовала антропоцентрическим религиозным представлениям Средневековья, что позволило ей просуществовать в науке и философии довольно долго.

В эпоху Возрождения становится очевидно, что эта модель пространства не отвечает требованиям ни науки, ни философии. Ее статичность, неизменность, конечность постепенно уступают новым характеристикам: динамика, развитие, движение обретают статус важнейших философских категорий. «Абсолютности “естественного” места Аристотеля противостоит абсолютное понимание пространства как объективной реальности, в которой происходит движение» [1, с. 187]. Крах этой модели пространства начинается с работы Н. Коперника «О вращении небесных тел». И, несмотря на первоначальное восприятие